

НОВЫЙ
исторический
РОМАН

Алексей ГРИГОРЕНКО

КОСТЬ РАЗДОРА
МАЛОРОССИЙСКИЕ ХРОНИКИ
1594 – 1595

Ленинград
издательский дом
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Г83

Серия «Новый исторический роман»

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Григоренко, Алексей

Г83 Кость раздора. Малороссийские хроники. 1594–1595 годы: роман / Алексей Григоренко. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2026. — 416 с. — (Новый исторический роман).

ISBN 978-5-17-189315-6

XVI век. Грань между грехом и святостью стерта. Русские епископы, чьи ряссы давно пропитались кровью и грязью преступлений, готовы продать православие Риму. Их цель — золото польского короля Сигизмунда. Их оружие — ложь.

Но на Днепре поднимается буря. Запорожцы не молятся врагу — они рубят его шашкой.

В центре этого ада — гетман Северин Наливайко, чье имя заставляет стынуть кровь шляхтичей. Рядом с ним — бурсак Арсенко, пахарь, ставший палачом, и пан Струсь, русин, перешедший на сторону латыни.

Они смотрели в глаза друг другу раньше. Теперь они смотрят в дула пищалей.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-189315-6

© Алексей Григоренко, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ИСТОРИЧЕСКОЕ МОЛЧАНИЕ

Предуведомление автора

Пантелеймон Кулиш в книге «История воссоединения Руси» подводит довольно горький итог, рассуждая о начальных козацких войнах в Речи Посполитой, приведших через полвека к частичному краху как самого государства — утрате Малороссии, так и к окончательному исчезновению Польши с политической карты тогдашнего мира — в результате трех разделов восемнадцатого столетия: *«Два только источника существуют для истории второго козацкого восстания (1-е — под предводительством гетмана Криштофа-Федора Косинского, 1593 г. — А. Г.), Гейдеништейн и Бельский, да и те во многом противоречат один другому. При том же оба эти источника суть свидетельства стороны противной, и потому мы не имеем никакой возможности исполнить правило: audiatur et altera pars. Вообще, это важная потеря для русской истории, что украинские козаки, эти главные деятели торжества Руси над Польшею, оставили по себе так мало памятников своей деятельности. Кровь их пролилась как вода на землю и не оставила даже пятна по себе. Энергический дух их отошел в вечность, не заградивши уст хулителям своим; а их потомки лишены утешения слышать посмертное*

слово предков, каково оно ни было. И вот мы разворачиваем чуждые сказания о нашем былом и устами исторических врагов своих поведаем миру понимаемые до сих пор двусмысленно, сбивчиво, часто крайне нелепо дела героев равноправности» (Кулиш П. А. История воссоединения Руси, т. 2, с. 117. СПб, 1874).

Пожинаем же эти плоды исторического молчания народа: даже само имя собственное героя нашего повествования, гетмана и предводителя 2-й козацкой войны Наливайко, текуче, непостоянно и вариативно. Так, в трудах и первоначальных изысканиях знаменитых историков XIX века имеем такую картину:

анонимная «История русов», приписываемая архиепископу могилевскому Георгию Конисскому, и Николай Маркевич называют нашего героя — Павло;

Владимир Антонович и Николай Костомаров — Семерый;

Боркулабовская летопись — Севериня;

тот же Пантелеймон Кулиш — Семен;

другие источники, включая Википедию, сощписателей вроде Ивана Ле и марксистских историков уже несуществующего СССР, — Семерин, Северин и даже Северий (вполне на древнеримский манер — если сделать ударение на 2-м слогѐ).

Так как же все-таки звали нашего героя?

Ответом будет все то же молчание.

Я писал не историческое исследование, но роман, потому из всех вариантов избрал имя героя согласно анонимной «Истории русов», с опубликования которой в начале XIX столетия и началось заинтересованное изучение образованным обществом далеких исторических событий Малороссии, давным-давно к этому времени интегрированной в процесс общерусской истории, общерусской политики и общерусской культуры.

Потомки отважных воителей за свободу, правду и святоотеческую веру, о которых и рассказывается на этих страницах, стали мирными «гречкосеями» и мелкопоместным малороссийским дворянством со своим благодушным, зачастую химерным мирком, вошедшим в русскую литературу тцанием Н. В. Гоголя, предки которого — Лизогубы и Гоголи — тоже в свою очередь были отважными и заметными фигурами в давней военной истории края.

Николай Васильевич не устоял перед искушением составить всеобъемлющий исторический свод: *«Историю Малороссии я пишу всю от начала до конца. Она будет или в шести малых, или в четырех больших томах»* (письмо к М. Максимовичу от 12 февраля 1834 года. Такая самонадеянность и безоглядность, вероятно, свойственна только лишь юности — Гоголю 25 лет), но уже к 6 марта того же года, то есть всего через 24 дня, наступает отрезвление: писатель столкнулся все с тем же историческим молчанием — практически полным отсутствием достоверных материалов, о чем он сообщает в письме И. И. Срезневскому, и — отступил... *«Я к нашим летописям охладел, напрасно сисясь в них отыскать то, что хотел бы отыскать. Нигде ничего о том времени, которое должно бы быть богаче всех событиями. Народ, которого вся жизнь состояла из движений, которого невольно (если бы он даже был недейтелен от природы) соседи, положение земли, опасность бытия выводили на дела и подвиги, этот народ...* (Тут Гоголь отчего-то прервал свою мысль, — но мы сегодня, через без малого 200 лет, можем поразмыслить все же о том, о чем в некоей печали и разочаровании не договаривает писатель. — А. Г.) *Я не доволен польскими историками, они очень мало говорят об этих подвигах; впрочем, они могли знать*

хорошо только со времени унии, но и там ни одного летописца с нечестивою душою, мыслями. Если бы крымцы и турки имели литературу, я бы был уверен, что ни одного самостоятельного тогда народа в Европе не была бы так интересна история, как козаков. И потому-то каждый звук песни мне говорит живее о протекшем, нежели наши вялые и короткие летописи, если можно назвать летописями не современные записки, но поздние выписки, начинавшиеся уже тогда, когда память уступила место забвению. Эти летописи похожи на хозяина, прибившего замок к своей конюшне, когда лошади были уже украдены...»

Так и неосуществленный шеститомник (или четырехтомник) преобразовался в «Отрывок из истории Малороссии» и в статьи «О малороссийских песнях» и «Взгляд на составление Малороссии», вошедшие в сборник «Арабески», ну и, конечно же, в бессмертную повесть «Тарас Бульба».

У Гоголя — оставались исторические и героические песни, туманные свидетельства, больше похожие на мифы и апокрифы, полученные из третьих-четвертых воспоминаний по восходящей от долгожителей козацких родов Гетманщины, которым прадеды что-то такое рассказывали, пока они сидели мальчонками под столами в крестьянских хатах. Что же имеем мы, насельники XXI века, кроме печальных известий о том, что сегодня происходит на Украине?..

Отступить ли и нам, как некогда отступил Гоголь? Или все же попытаться преобразовать художественной догадкой, метафизическим прозрением это историческое молчание, эти жалкие крохи известий, обрывков и лоскутов «чуждых» и «вялых» летописей, в которых высверками, на сущее мгновение, появляются зачастую исполинские фигуры нашей безъязыкой исто-

рии, мужественные лица людей, каковых больше нет и, вероятно, больше не будет, которые в неустрашимом дерзании и безоглядности закладывали основы нашей противоречивой, драматичной и зачастую трагичной истории, которая до сей поры происходит с каждым из нас. Но все начиналось — с молчания и мглы канувших, прошедших веков. Нам уже не услышать тех песен, которые так любезны были сердцам Гоголя и Максимовича, но мы все же — дерзаем *«понудить себя на художество»* — по слову древнерусского северного святого преподобного Кирилла Челмогорского, — ибо другого выбора у нас нет.

В своей многолетней работе над текстом я использовал все доступные мне источники, хроники и поминания, как русские (под этим именем я разумею триединый по моему убеждению народ — в сегодняшней терминологии: русских, украинцев и белорусов, в терминологии же описываемой эпохи конца XVI столетия — московитов, русинов и литву), так и польские, но и в совокупности достоверный исторический материал весьма скуден, потому более всего я полагался на свою историческую интуицию, за возможные переборы и сгущения которой я заранее прошу прощения у читателя. Но в целом — даже не Павло (Северин) Наливайко является главным героем повествования, но то эпохальное событие конца XVI столетия, до основания потрясшее все общество Речи Посполитой, включая и поляков-католиков, расколовшее на более чем четыре столетия украинский народ и принесшее неисчислимые беды — Брестская уния 1596 года, названная полемистами XVII столетия настоящей *костью раздора*, разорвавшая единое до того духовное средостение народа Юго-Западной Руси, который позже назывался черкасами (по наименованию крепости на Днепре),

козацким народом, русинами, малороссами и затем уже украинцами.

Развитие этой темы, быть может, с некоторым публицистическим заострением читатель найдет в примечаниях, разбросанных в тексте. Там же помещена и достоверная краткая информация об исторических деятелях, упомянутых на страницах романа, и отчасти о последующих событиях, произошедших уже за хронологическими границами этого повествования.

Отдельно надобно сказать о «Записках Арсенка Осьмачки», ставших неотъемлемой частью наших «Хроник». Они были обнаружены мною в древлехранилище Свято-Успенской Почаевской лавры в середине 1990-х годов и требуют нескольких пояснительных слов для сегодняшнего читателя. Волею судьбы и сложившихся обстоятельств киевский бурсак конца XVI столетия, отягощенный схоластическим богословием и обрывками разнообразных познаний, не свершил свой жизненный путь, как тысячи его однокашников, затерявшихся в бескрайних просторах и бесчисленных селах Юго-Западной Руси, сегодня называемой Украиной, где они научали грамоте козацких и селянских детей, сочиняли драматические и комедийные тексты для вертепных театров, колядки и песни, ставшие со временем основой «красного виршевания» и «красного письма», то есть будущей литературы этого обширного и благодатного края. Некоторые из однокашников Арсенка стали со временем епископами и были призваны на служение российскими императорами, а прежде царями, на внутренние российские кафедры — в Архангельск, в Тобольск, в Ростов, где лучшие из них просияли чудесами и святостью и до сей поры почитаемы в общерусском сонме святых.

Кто не знает великих имен святителей Димитрия Ростовского, Иоанна Тобольского, Иоасафа Белгородского, — а ведь они вышли из тех же стен малороссийских бурс-семинарий, что и наш летописец Арсенко Осьмачка, — только он опередил их на столетие, и Промыслом Божиим ему было суждено другое свидетельство, которое ныне развернуто перед благосклонным читателем.

Тютчев сказал: *«Блажен, кто посетил сей мир / В его минуты роковые»* — в случае с нашим героем, а его «Записки» начинаются с 1593 года и завершаются 1635 годом, это были во всем судьбоносные времена для Юго-Западной Руси-Украины — усиление католического прозелитизма над православными землями, массовый переход в католичество русских и литовских дворянских родов; сползание почти всех тогдашних русских епископов к мысли о подчинении Римскому престолу, посредством которого, как им казалось, Юго-Западная Русь *«войдет в семью европейских народов»*, — как говорится теперь, а тогда благая покорность Риму мыслилась избавлением от бесконечных притеснений со стороны оголтелого короля, ставшего игрушкой в умелых руках ордена иезуитов, и правительства, закончившееся печальной Брестской унией 1596 года; противостояние козачества и простого посполства колебанию епископов и окончательному закабалению панством, вылившееся в две первые козацкие войны, — во второй из них наш Арсенко Осьмачка принимает деятельное участие вплоть до трагического и страшного разгрома повстанцев в Солоницком урочище над Сулой, недалеко от Днепра. Принимает он и косвенное участие в событиях и итогах церковного собора в Бресте осенью 1596 года, оформившего окончательно унию с Римом и подчинившего на четыре века часть Русской церкви

под папскую туфлю; участвует в походе козацких отрядов в составе армии короля Сигизмунда III Вазы в Московию уже во времена Смуты российской, — мы находим его в осаде под стенами Троице-Сергиевской лавры, в осаде Переславля, он грабит с козаками и польскими жолнерами древний Ростов; затем, когда Смута в Москве завершилась, он принимает некое участие, по крайней мере как пристальный самовидец, в возобновлении иерархии Православной церкви гетманом Петром Конашевичем Сагайдачным и Иерусалимским патриархом Феофаном, и о том оставляет интересные заметки и записи в одном из своих письмовников...

В 1635 году мы находим его в иноческой келье Никольского Самарского пустынножительного войскового монастыря, построенного запорожскими козаками для престарелых сечевиков, где старики, уцелевшие по воле судьбы в прежних походах и войнах, замаливали прегрешения своей молодости, а наш Арсенко систематизировал и продолжал письмом то, чему он некогда был самовидцем. Наш летописатель не дожил, по всей видимости, до Хмельниччины — Великой козацкой войны 1648—1654 годов, в корне изменившей геополитическую обстановку в тогдашней Европе и на века соединившей в единое государство Юго-Западную и Северо-Восточную Русь, Малую и Великую Россию, но и того, чему он стал свидетелем, много для жизни одного человека.

Конечно, я до сего дня не разобрал еще полностью десятков письмовников и разрозненных тетрадей, попавших в мои руки в Почаеве в 1990-е годы, — многие из них безжалостно объедены сотнями, а может быть, и тысячами поколений мышей, что-то размокало и не раз высыхало, превращая древнюю бумагу в сущие пе-

пел и прах, какие-то крупные фрагменты и вовсе выпали из груд трухлявой бумаги, в самой «Хронике Луцкой», часть из которой я расшифровал к этому времени, вообще зияет обугленная дыра от *«злой пули жолнерской»*. Эта «Хроника» спасла Арсенка от смерти в Солоницком урочище в начале лета 1596 года и дала ему лишних 40 лет жизни, как пишет сам автор о том... Вторая часть «Хроники Луцкой» мною еще не разобрана и не расшифрована, но надеюсь все-таки в свой срок ее завершить, — там рассказано о событиях, произошедших с нашим героем уже после 1596-го злосчастного года.

Интересна и загадочна судьба самих этих «Записок». И здесь не обойтись без краткого рассказа о драматичной во многом судьбе монастыря, где была обретена эта рукопись. Самарский Николаевский пустынножительный монастырь основан запорожскими козаками как богадельня для престарелых сечевиков в 1576 году, неоднократно дотла и до основания его разрушали — во время хмельниччины — русско-польской войны в 1650-х годах; затем — в 1688 году; в 1690 году монастырь постигло очередное несчастье: почти все насельники и большая часть жителей монастырской слободы погибли от эпидемии, после которой монастырское имущество, в том числе и архив, были уничтожены.

Но рукопись Арсенка Осьмачки уцелела тогда, будучи предусмотрительно закопанной, по всей вероятности, им же самим в подклете деревянного храма Кирика и Иулиты — храм этот ныне не существует. В 1709 году в очередной раз монастырь был разрушен из-за гетмана Ивана Мазепы во время русско-шведской войны — изменника поддержали запорожские козаки. В 1711 году монастырь уже был разрушен

татарами. К 1739 году монастырь был полностью обновлен и вернул себе значение религиозного центра запорожских земель, или *вольностей*, в терминологии той эпохи — при монастыре существовали школы и больницы, а численность крестьян и вотчинников достигала 500 человек. Монастырю принадлежали слобода Черненная, четыре хутора, озеро Соленое и речка Протовча, мельницы и пасеки, в общей сложности 18 698 десятин земли.

В Самарской обители принимали постриг, умерли и были похоронены многие запорожские старшины: кошевой атаман Филипп Федоров, войсковой толмач Иван Швыдкий, войсковой писарь Дмитрий Романовский, войсковой судья Моисей Сухой и другие. Где-то в безымянной забытой могиле здесь пребывают и кости автора этих «Записок». За колокол весом в 169 пудов 22 фунта, приобретенный в XVIII веке, запорожские козаки выложили огромную по тем временам сумму — 8320 рублей 90 копеек, колокольня же, возведенная в 1828 году, считалась самой высокой на Украине. Долгое время в монастыре сохранялись главная святыня монастыря — чудотворная Ахтырская икона Божией Матери и чтимая икона святителя Николая, патрона и покровителя обители, и четыре запорожских креста. Сегодня судьба этих реликвий неизвестна.

В 1930 году колокольню взорвали, братию выселили и расстреляли, Никольский собор перестроили под театральный зал, сам монастырь обратили в дом инвалидов. После войны обком партии Днепропетровска принял решение организовать здесь дом для престарелых металлургов. Дом-богадельня обзавелся большим хозяйством, и началось строительство разных пристроек в стиле «сталинского ампира», при этом весьма пострадали прежние монастырские постройки. Во время

строительства и добыли на свет Божий замшелый прожжавевший сундук, набитый истлевшими бумагами. Так как запорожского золота в сундуке не нашли, хотели было содержимое его сжечь ясным коммунистическим пламенем, да в последний момент решили отправить в исторический музей Днепропетровска, носящий имя историка Дмитрия Яворницкого, который оставил потомкам фундаментальное трехтомное исследование «История запорожских козаков». В 1960-е годы в монастыре устроили интернат для психически больных девочек. С 1994 года здесь возобновилась монашеская и церковная жизнь.

Нельзя сказать, что к разбору рукописей Арсенка Осьмачки никто не приступал, но у одних исследователей не хватало квалификации, других бдительные надзорные органы отстраняли на всякий случай из-за подозрения в украинском национализме, в конце концов в 1970-е годы так и не разобранные рукописи Арсенка Осьмачки из музея ввиду реорганизации залов под диораму «Битва за Днепр» и последующего перепрофилирования под мемориал Л. И. Брежнева, днепропетровского партийного бонзы в 1930-х годах, а потом генсека и четырехкратного Героя несуществующего уже СССР, были переданы в Почаев, но и в тамошней лавре некому было разбирать и рассортировывать эти груды слипшихся и истлевших листов, где они пролежали в забвении еще 20 лет. В начале 1990-х годов, когда я впервые приехал в Почаев для участия в Почаевской международной религиозной конференции, собранной тщанием Георгия Шевкунова (ныне митрополит Псковский и Порховский Тихон), для противостояния униатской агрессии на Западной Украине, монахи, прознав о том, что я составляю некий свод под общим названием «*Малороссийские хроники*»,